

— Хорошо, Цзян Сычэн, тогда не вини меня за то, какое наказание я для тебя приготовила.

Вдовствующая императрица сейчас была занята лишь тем, как избавиться от этого Цзян Сычэна. Ей было совершенно не до того, чтобы разбираться, почему маленький Император так одержим и довел себя до такого состояния, что внутренний жар буквально сжигает его изнутри. Хотя она была в курсе всего происходящего, в этот раз дочь клана Му оказала ей неоценимую услугу.

— Я готов принять любое решение вдовствующей императрицы, у этого слуги нет ни единой жалобы!

Цзян Сычэн с безразличным видом поклонился, ожидая наказания от этой старой ведьмы. В любом случае, его мысли сейчас были далеко отсюда. Пока он был рядом, вдовствующая императрица во многом опасалась Ли Цзиньшу. Если же его здесь не будет, возможно, она станет меньше давить на Ли Цзиньшу, и у того появится шанс выстроить иную стратегию.

— Евнух Чэнь, передай мою волю: Цзян Сычэн, будучи сановником, призванным помогать Императору, не смог удержать его от безрассудств, что является явным проявлением некомпетентности. Посему я отзываю его надел в столице и отправляю его на три года охранять границы, дабы он мог искупить свою вину!

Вдовствующая императрица с суровым и важным видом огласила свой указ. Глядя на то, как Цзян Сычэн остается невозмутимым, она в душе мечтала растерзать его на куски.

— Раб принял волю вдовствующей императрицы!

Скрипучим, неприятным голосом старый евнух, сжимая в руках метелку, с важным видом принял указ и, пользуясь покровительством госпожи, подошел к Цзян Сычэну.

— Пошли, великий генерал Цзян.

Цзян Сычэн резко поднялся на ноги и, не говоря ни слова, последовал за евнухом прочь из дворца вдовствующей императрицы. Всю дорогу он хранил ледяное молчание. Старый евнух, оказавшись вдали от своей госпожи, побоялся задирать решительного и грозного генерала и всю дорогу не проронил ни слова. Лишь выйдя за пределы дворца и огласив указ, он смог облегченно вздохнуть.

Покидая дом Цзян Сычэна, евнух у ворот снова принялся злословить:

— И чего важничает? Все равно ведь наказан. Посмотрим, как ты теперь заживешь, хуже собаки. Уж я-то найду способ с тобой расправиться, хм!

Едва евнух повернулся, как камень, летевший с силой, угодил ему прямо в голову, и тот

замертво рухнул на землю. Цзян Сычэн стоял у ворот, глядя на поверженного евнуха, и с ненавистью отряхнул руки от пыли.

— Хм! Паршивая собака, поглядим, кто тут еще будет кичиться своей властью.

Ли Цзиньшу три дня не выходил к утренним аудиенциям. Он целыми днями лежал на ложе, отрешенно глядя в потолок. В его голове эхом отдавался решительный взгляд Е Жу. Неужели, скрывшись за пологом кареты, она навсегда исчезла из его мира?

— Му Цяньгэ, помнишь ли ты тот сад, где цвели гардении? Я спрашивал, нравятся ли они тебе, а ты ответила, что кругом лишь белый цвет, и было бы лучше, если бы это были персиковые деревья — бескрайнее розовое море. Сейчас я посадил персики, но тебе уже не до того, чтобы ими любоваться... — Ли Цзиньшу бормотал себе под нос, его глаза были пустыми, а голос — безжизненным.

Приближенный евнух за дверью тревожился, но не осмеливался войти: многих уже выгнали прочь. Сейчас Император был в таком состоянии, что любой, кто попадался ему на глаза, буквально напрашивался на смерть. Канцлер Го, полный беспокойства, уже давно ждал у дверей, но его также не пустили.

— Евнух Чжан, что же теперь делать? Император уже несколько дней не проводит аудиенций, чиновники при дворе ропщут. Я пришел проведать его, но... эх! — Канцлер Го в сердцах махнул рукавом и лишь бессильно опустил голову. Как бы они ни переживали, они не могли повлиять на мысли своего господина.

— Я и сам места себе не нахожу! Император стал таким с тех пор, как вернулся с границы. Если бы генерал Цзян был здесь, он мог бы его вразумить, но его отправили в ссылку. Никто из нас не осмелится войти к нему, рискуя жизнью!

...

Е Жу прибыла в племя Жунди Наньмань. Здесь было не так роскошно, как в столице, и люди жили в шатрах, похожих на монгольские юрты. Питались в основном мясом овец и коров, овощей и зерна почти не было. Вокруг рыскали дикие звери, и Е Жу по ночам боялась выходить из шатра в одиночку, опасаясь стать ужином для волка или тигра.

— Му Цяньгэ! Му Цяньгэ!

Это был голос Му Гэ. За прошедший месяц Е Жу поняла, что Му Гэ искренне любит свою младшую сестру.

— Брат, я здесь, входи!

Му Гэ, входя в шатер, всегда сначала подавал голос — все-таки это покои девушки, мало ли, вдруг она переодевается. Он всегда был очень нежен с Е Жу и расплывался в улыбке, глядя на свою красавицу-сестру.

— Му Цяньгэ, Ван Яо вернулся из государства Бэйянь и сказал, что сегодня вечером устроит пир в честь послов. Отец велел мне передать, чтобы ты принарядилась.

Му Гэ всегда баловал Е Жу, и она невольно вспоминала своего брата из современной жизни, который так же заботился о ней, больной и слабой. Жаль только, что в этой жизни она его больше не увидит. Е Жу на мгновение погрузилась в печаль, и Му Гэ тут же забеспокоился:

— Сестренка, что такое? Почему ты так грустна? Ты снова думаешь о Ли Цзиньшу?

От одного упоминания этого имени, которое она так старалась забыть, сердце в этой груди снова болезненно сжалось. Е Жу отвела взгляд, не в силах смотреть брату в глаза.

— Брат, наш клан Му и Ли Цзиньшу — заклятые враги. Я больше не буду о нем думать!

Голос Е Жу был тихим, но в нем слышалась решимость. Му Гэ было жаль сестру, которая полюбила мужчину, которого меньше всего следовало любить. Он прекрасно понимал, что маленькая Му Цяньгэ с детства была привязана к Ли Цзиньшу. Если бы не недавние события, у нее был бы шанс стать императрицей, но теперь ни он, ни отец не допустят, чтобы она стала женой врага. Одно лишь это осознание было тяжелым испытанием для нее.

— Хорошая моя, брат верит тебе. В будущем ты обязательно встретишь достойного мужчину, который будет искренне любить тебя и с которым ты свяжешь свою жизнь.

— Да, я тоже так думаю.

Е Жу слегка кивнула, но печаль в ее глазах не убавилась ни на йоту.

— Хорошо, позови служанок, пусть помогут тебе причесаться и одеться. Мы должны явиться на пир во всем блеске.

— Хорошо, брат.

Проводив Му Гэ, Е Жу не стала особо усердствовать с нарядами. Женщины здесь придерживались своих экзотических традиций, и ее обычная одежда была вполне уместна. Красавица всегда старается выглядеть лучше для того, кто ей дорог, но здесь, в племени Наньмань, Е Жу не знала, для кого наряжаться. Вспоминая их последнюю встречу с Ли Цзиньшу — такую болезненную и окончательную — она чувствовала, что у нее просто нет сил прихорашиваться.

Дун'эр была служанкой, которую Гуйдао Яо приставил к Е Жу.

— Госпожа, вы совсем не хотите принарядиться? Сегодня все женщины будут в своих лучших нарядах.

Дун'эр видела, что после ухода молодого господина госпожа так и не сдвинулась с места, и была в замешательстве.

<http://bllate.org/book/18535/1782893>